

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«**СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Влияние миграционных процессов на социально-политическую обстановку в ЕС.

Руководитель

подпись, дата

доцент, к.ю.н
должность, ученая степень

Э.А. Павельева
инициалы, фамилия

Выпускник

подпись, дата

А.Н. Тодоренко
инициалы, фамилия

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. Антимусульманские настроения в Европе как вытекающий фактор миграционных процессов.....	6
1.1. Понятие и истоки исламофобии в аспекте европейских миграционных процессов	6
1.2. Предпосылки исламофобских настроений европейского общества	12
1.3. Терроризм и его влияние на восприятие ислама	17
2. Европейская политика интеграции мусульманских мигрантов.	23
2.1. Политика интеграции мигрантов в европейских государствах	23
2.2. Влияние исламофобии на социально-общественные отношения в Европе	36
Заключение	49
Список использованных источников	51

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования заключается в том, что миграционная политика Европейского Союза остается серьезной проблемой, как в финансовом плане, так и в контексте безопасности европейских стран. Невозможность ограничить миграционное давление усугубляет социально-политическую обстановку в регионе. Под давлением европейского общества находятся миграционные группы, а в частности мусульмане, против которых совершаются преступления, принимаются громкие законы и все чаще слышны высказывания.

Исламофобия — играет существенную роль в социально-политических изменениях, а также на отношение европейского общества на миграционные процессы. В этих аспектах исламофобия становится заметной в политике. Мусульмане в этом поведении рассматриваются как однородная группа, или же как группа мигрантов.

Исламофобия также имеет наследие прошлого, когда властные структуры сегодня создают проблемы и трудности. Таким образом, мусульманское присутствие по сравнению с немусульманским присутствием является жизненно важной частью этих властных структур. Это отражается в средствах массовой информации, поскольку стереотипы и сатирические карикатуры на мусульман, очевидно, считаются правдой о мусульманах и исламе, тогда как социальное неприятие и дискриминация, наряду с ростом преступности, указывают на эту позицию. Существующие законы становятся недостаточными, потому что нынешняя правовая база не имеет прямого отношения к исламофобии, поэтому возникает необходимость разработать стратегии борьбы с исламофобией, поскольку стоит учитывать необходимость расширения сотрудничества и более активной интеграции.

Цель данной работы состоит в том, чтобы на основе собранных материалов и на примере нескольких европейских стран, проанализировать

миграционную политику европейских государств на примере мусульманского общества в Европе.

Сформулированная цель конкретизируется следующими основными задачами:

- 1) проследить исторические предпосылки и условия появления миграционных, а в частности мусульманских общин в Европе;
- 2) исследовать общественно-политические и социальные процессы в европейских обществах, вызванные присутствием миграционных групп;
- 3) изучить процесс интеграции исламских общин в европейское общество, оценить ее результаты;
- 4) рассмотреть причины исламофобии, проанализировать теоретические основы и влияние;
- 5) проанализировать представительство мусульман в СМИ, и их функционирование в рамках исламофобии.

Объектом исследования являются мусульманские общины западноевропейских стран.

Предметом исследования выступает социальная общественно-политическая адаптация миграционных мусульманских общин в европейских обществах.

Научная новизна обусловлена анализом трудов зарубежных, российских экспертов-политологов, посвященные проблемам сосуществования систем, представленных разными религиями, вопросам интеграции мусульманского меньшинства во все структуры европейского общества и статуса мусульманских иммигрантов. В работе используется принцип историзма, позволяющий проследить исследуемые явления и процессы в их конкретно-исторической обусловленности и развитии. Использование в научной работе сравнительно-исторического метода и методологии системного подхода, анализ событий с учетом специфики стран и регионов, представление рассматриваемых исторических событий в многовариантном процессе

позволили автору глубже понять исторические процессы и зафиксировать их особенности.

Структура работы включает содержание, введение, основную часть, состоящую из 2 глав и 5 подглав, заключение и список использованных источников.

1. Антимусульманские настроения как вытекающий фактор миграционных процессов

1.1. Понятие и истоки исламофобии в аспекте европейских миграционных процессов

В Западной Европе за последние два десятилетия наблюдался сильный подъем расизма, который был в основном антимигрантским расизмом и в первую очередь стимулировался институциональным расизмом. Несколько причин — исторических, социальных, экономических, политических и культурных — лежащих в основе такого подъема, должны быть рассмотрены каждая в отдельности, чтобы не упускать из виду специфические исторические и географические контексты. Рост антимигрантского расизма происходил в самых разных формах, в зависимости от национального контекста, событий и социальных и политических обстоятельств, от ксенофобии до избирательного расизма государственной политики, а также охоты на иммигрантов, организованной ультраправыми группами. Цели расизма столь же разнообразны, однако можно выделить три основные формы расизма и связанные с ними цели: исламофобия и расизм в отношении мигрантов и граждан с миграционным прошлым из стран с мусульманским большинством, ромофобией и антицыганским расизмом, а также криминализацией незарегистрированных мигрантов (в настоящее время в основном просителей убежища). Исламофобия - самая глубокая, острая и широко распространенная форма расизма среди трех; это главное и высшее выражение современного европейского расизма и, скорее всего, основная форма расизма в неолиберальную эпоху.

Ислам (араб., букв. — покорность), монотеистическая религия, одна из мировых религий (наряду с христианством и буддизмом), ее последователи —

мусульмане. Возник в Аравии в VII веке. Основатель — Мухаммед. Ислам складывался под значительным влиянием христианства и иудаизма [1].

Ислам является одной из самой быстрорастущей и распространённой религией в мире (рис. 1). Вместе с ней растёт и количество людей, которые негативно выражают свои взгляды в сторону религии. Исламофобия или же по-другому антимусульманское направление зачастую связывают с количеством совершенного терроризма представителями данной религии, а также другой незаконной деятельностью.

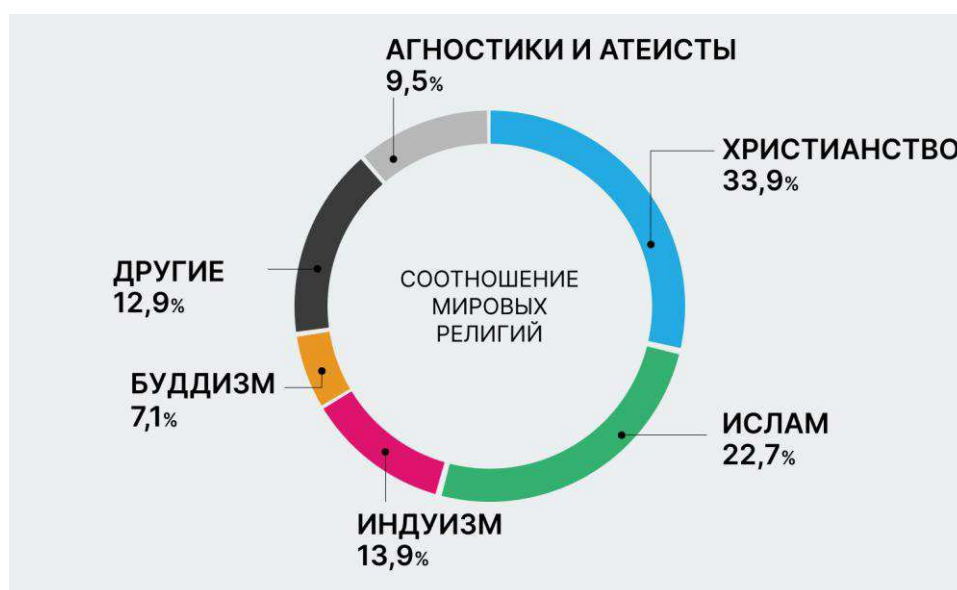

Рисунок 1 — Соотношение мировых религий в мире

Исламофобия — это сочетание двух слов: ислам и фобия. Ислам относится к монотеистической религии или вере, в которой говорится, что Мухаммед является пророком Аллаха [2]. Фобия — это крайний и иррациональный страх перед чем-либо [2]. Таким образом, исламофобия, синоним страха, беспокойства и фобии по отношению к мусульманам, может даже включать набор процессов, влияющих на право, экономику и общество. Чрезмерная тревога и страх часто приводят к актам дискриминации в отношении мусульман.

Концепция впервые была создана и использована в конце 1980-х годов, и обозначает ненависть или неприязнь к мусульманской или исламской догме. Со

времен Средневековья и некоторого периода Возрождения в Европе ислам считался “демонической религией отступничества, богохульства и мрака” [3]. В то время как западная повседневная жизнь считалась на Востоке «слишком свободной». Сегодня ислам часто является символом фанатизма, терроризма и патриархальности.

Исламофобия не была официально принята как «общая нетерпимость» до 2001 года, Стокгольмский международный форум по борьбе с нетерпимостью определяют исламофобию как антисемитизм, расизм и ксенофобию.

Фред Холлидей, специалист по политике Ближнего Востока, утверждает, что этот термин вводит в заблуждение и должен больше соответствовать антимусульманскому, чем антиисламскому, поскольку эта сложность скорее связана с людьми, чем с самой религией, термин ассоциируется с такими же понятиями, как ксенофобия и расизм [3].

Кроме того, Матти Бунзл, специалист по антропологии и истории, проводит параллели с антисемитизмом, связанным с евреями, заявляя, что и евреи, и мусульмане «имеют общего врага в лице правого христианского фундаментализма [3]. Это вызывает дискриминацию тех, кто «нам» не принадлежит, поскольку они не относятся к норме большинства. Таким образом, властные отношения между мусульманами и немусульманами становятся очень очевидными. Исламофобия представляет собой яркое свидетельство того, как доминирующие дискурсы бросают вызов расе, этнической принадлежности и религии, в которых, например, расовые представления из средств массовой информации используются для выражения этой позиции. Помимо важности властных отношений исламофобия состоит из определенного количества мифов, когда исламские идеи в конечном счете угрожают традиционным ценностям Запада. Более того, экономические мотивы, когда существует большая безработица и когда увеличиваются социальные отчисления. «Исламофобов особо не волнует, могут ли мусульмане быть хорошими немцами, итальянцами или датчанами. Скорее, они задаются

вопросом, могут ли мусульмане быть хорошими европейцами. Другими словами, исламофобия действует не столько в интересах национального очищения, сколько как средство укрепления Европы» [3].

В этом контексте ясно, что на поверхность выходит важность укрепления Европы. Дебаты о том, подходит ли Турция в качестве члена Европейского Союза, исламофобия становится политическим вопросом, по всей Европе иммиграция, статус ислама и возможность членства Турции в ЕС являются центральными темами. Чаще всего условия диктуют крайне правые. И конечный результат, например, при вступлении Турции, далеко не определен. Исламофобия в этом смысле является настоящим политическим вопросом, частью вопросов о будущем мусульманского присутствия в Европе.

Хотя такое отношение имеет долгую историю в Европе, представление о том, что мусульмане являются «врагами», стало более распространенным за последние 30 лет [4]. После окончания Холодной войны можно было сказать, что Европе нужен был новый архетипический враг, и некоторые факты показывают, что иммигранты-мусульмане постепенно приобрели этот статус. Например, постепенно люди стали чаще говорить о «мусульманах», а не об иммигрантах пакистанского происхождения.

Различные искажения восприятия исламской религии заключаются в следующем:

1. Представляет собой монолитную культуру, и она безжалостно принимает возникающие в обществе реалии.
2. Имеет совершенно иные ценности по сравнению с другими конфессиями и культурами.
3. Поддерживает различные террористические акты и всеобщее насилие в обществе.

Недавний опрос, проведенный Фондом Фридриха Эберта в Германии, например, показал, что от 27% до 61% людей в восьми европейских странах считают, что в их странах слишком много мусульман. Тот же опрос показал,

что более половины людей в этих странах (за исключением Португалии) считают, что мусульмане слишком требовательны, в то время как аналогичный процент говорит, что ислам — это религия нетерпимости.

Возможно то, что предполагаемая нетерпимость к исламу используется в качестве оправдания исламофобских настроений. В 2010 году Совет Европы счел этот вопрос настолько проблематичным, что Парламентская Ассамблея разработала ряд рекомендаций по борьбе с религиозной нетерпимостью в своих государствах-членах [5], но до сих пор не было обнаружено особых изменений в политике интеграции.

Это столкновение между локальным и глобальным явно ощущается сегодня в Европе. По всей Западной Европе насчитывается более 17 миллионов мусульман (рис. 2) [6], проживающих в 17 странах, причем наибольшее число из них проживает во Франции, Германии, Соединенном Королевстве, Италии и Испании. Во всех этих странах наблюдается рост исламофобских высказываний, возможно, наиболее заметно в Нидерландах, где Герт Вилдерс, голландский депутат парламента и лидер националистической партии свободы, призвал к полному прекращению иммиграции в Нидерланды из всех мусульманских стран.

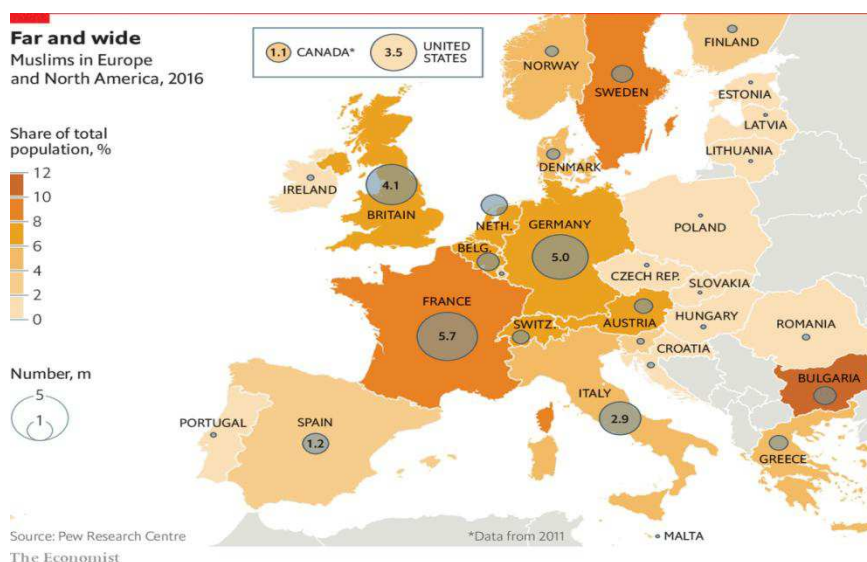

Рисунок 2 — Количество мусульман, проживающих в Европе

2020 год во всем мире был охвачен пандемией COVID-19, которая также широко распространилась в Европе. По состоянию на середину марта и снова в середине октября ВОЗ считала Европу наиболее активным очагом пандемии [7]. Пандемия совершенно по-разному повлияла на роль исламофобии. С одной стороны, в некоторых странах с вынужденной изоляцией снизилась физическая исламофобия. Но в то же время исламофобия переместилась в частную сферу и распространяется, особенно в социальных сетях. На это указывают отчет Рабочей группы по борьбе с ненавистью к мусульманам в Великобритании и в популярных журналах, таких как The Economist, где статьи быстро удалялись, или в New York Times.

Авторы EIR 2020 сообщают, что с многочисленными ограничениями, введенными властями, и прекращением повседневной жизни, какой люди знали ее до вспышки пандемии, в 2020 году наблюдалось снижение исламофобии и антимусульманских нападениях. И наоборот, другие авторы сообщают, что количество преступлений на почве ненависти к мусульманам не уменьшилось, как показывает документация в некоторых странах. По словам автора немецкого доклада Сонера Таушера, в 2020 году в Германии было совершено 901 исламофобское преступление, 146 из которых были направлены против мечетей, а 48 — против людей. В то же время антимусульманские общественные движения организовали свои митинги, несмотря на пандемию.

Портрет ислама и Запада стоит рассматривать как столкновения цивилизаций, тем самым подчеркивая еще одно выражение исламофобии. В дополнение к другому видению, в котором мусульмане стереотипно рассматриваются как враги, а не как союзники. Исламская комиссия по правам человека дополнительно подчеркивает, что группы мигрантов в целом «были запуганы и вынуждены молчать или вести себя пассивно с помощью «антитеррористических мер» и предполагает, что «исламофобия» слишком узко определяет проблему, а это не просто страх перед религией, но также демонизация и преследование любого лица или группы, заклеенных как «подозреваемые в терроризме».

Среди аргументов, выдвигаемых теми, кто опасается продвижения демократического процесса в мусульманском мире, есть то, что это чревато «захватом демократии» исламскими активистами и способствует проникновению ислама в центры власти, угрожая интересам Запада и способствуя антизападничеству и росту нестабильности. Другими словами, европейское общество бояться потерять свою идентичность.

1.2. Предпосылки исламофобских настроений европейского общества

В то время как мигранты-мусульмане впервые начали прибывать в Европу, у западных правительств были веские причины передавать религиозное обеспечение иностранным организациям. Большинство приезжих были слишком бедны, чтобы платить за имамов, а Западу не хватало навыков для удовлетворения духовных потребностей мигрантов. Большое количество мигрантов, в последствии, миграционный кризис, произвел на жителей Европы негативные последствия.

Интенсивная и широкая волна антимигрантской исламофобии, которую Европа пережила как минимум в течение последних двух десятилетий, имеет многочисленные исторические, культурные и социальные корни. Среди социальных корней следует учитывать, что мигранты-мусульмане составляют первое, самое многочисленное и наиболее укоренившееся неевропейское население, которое прибыло и поселилось в современной Европе по причинам работы. Со временем они укоренились в европейских обществах и стали фактором социальной трансформации ряда стран. Население установило связи с местными жителями на рабочем месте и в обществе, получило права, имеет большое и прочное присутствие в общественном пространстве и как неотъемлемая часть общества имеет более высокую социальную ценность.

Кроме того, это население является наиболее организованной группой иммигрантов в Европе [8]. В ряде случаев оно бросало вызов государственным

учреждениям, работодателям и общественному мнению, требуя прав и признания и борясь с дискриминацией, а также оспаривало условия жизни и работы иммигрантов, сопротивляясь как ассимиляции, так и сегрегации. С семидесятых годов она принимала участие в рабочих движениях и борьбе профсоюзов, в то время как новые поколения, родившиеся и выросшие в Европе. На работе и в общественном пространстве это требует лучших жизненных возможностей, признания идентичности и уважения к ее происхождению. Иными словами, все это находится в полном противоречии с требованиями существующей производственной системы и миграционной и трудовой политики, которые призваны обеспечить малоправую рабочую силу, временную, дешевую, послушную, ненадежную, и отделены от остального общества и, таким образом, могут быть использованы вовремя, без «социальных и политических издержек иммиграции».

Оценивая рост исламофобии в Европе, следует систематически рассматривать цикл событий, который может быть конкретно связан с изменением восприятия мигрантов мусульманского происхождения на Западе:

1. Арабо-израильская война.
2. Иранская революция 1979 г.
3. Дело Рушди 1989 г.
4. Дело о платках во Франции 1989 г.
5. Первый взрыв Всемирного торгового центра в США 1993 г.
6. 11 сентября, война в Афганистане 2001 г.
7. Взрыв в Мадриде 2004 г.
8. Взрыв террористов в Лондоне 2005 г.
9. Речь министра кабинета министров Великобритании Джека Стро о его желании видеть женщин, не закрывающих лицо 2006 г.

10. Ядерные дебаты с Ираном 2010 г.

11. Взрывы в Стокгольме 2010 г.

12. Официальный запрет паранджи во Франции 2011 г.

Все эти события привели к радикализации европейской исламской идентичности. Эскалация подобных событий и исламофобские высказывания некоторых политических деятелей и публичных лиц разъединили два мира. Ислам, безусловно, политизировался различными группами мусульманского происхождения, а также некоторыми немусульманами.

Европейские страны исторически проводили несколько иную политику в отношении управления своими иммигрантами и меньшинствами и их интеграции в свои общества. На протяжении десятилетий некоторые страны, такие как Германия и Австрия, не прилагали особых усилий для интеграции, рассматривая иммигрантов-мусульман как временных [9]. Великобритания и Нидерланды наиболее полно восприняли понятие «мультикультурализм» — термин, широко используемый для описания политики, с помощью которой правительства стремились поощрять терпимость и равенство, а также позволяли иммигрантам и этническим меньшинствам сохранять самобытность.

Франция заявляет, что уже давно придерживается определенной политики в отношении иммигрантов, которая поощряет ассимиляцию или принятие французских культурных норм и ценностей.

Беженцы из стран Ближнего востока, из-за нестабильности их региона проживания мигрируют в места на порядок выше прежнего уровня жизни. Обычно такие беженцы, не обладающие ни родственниками в Европе, ни деньгами и им приходится надеяться только на помощь Европейского союза и получения статуса беженца. Все вышеперечисленное складывается в экономические затраты жителей Европейского союза, т. к. Европейская система налогообложения идет по прогрессивной шкале налога на доход, таким образом европейцы «чувствуют», что они от 20% до 35% от заработной платы идут в налоговый орган, что составляет примерно 17 миллиардов евро сборов от всех

налогов [10], которые идут на обеспечение специальных лагерей, пропитание, а также поиск жилья и покупки для беженцев.

Основной маршрут миграции через Средиземное море, является самым опасным маршрутом для миграции. По данным ООН, с 2015 по 2020 год в Средиземном море по пути в Европу погибли или пропали без вести более 17 тысяч беженцев. Согласно Бухарестской конвенции ЕС воды стран Европейского союза должны охраняться самим Европейским союзом, что тоже накладывает на ЕС обязательство собирать деньги на береговую охрану и другие издержки, которыми занимается Фонд Управления Границами [9]. В фонд было инвестировано 6,24 миллиарда евро, которые из них часть составляют своевольное инвестирование напрямую от желающего лица, а также от государств-членов Европейского союза. Часть денег на инвестирование, также идет с карманов жителей Европы.

Остро встала проблема преступности в регионе. Например, в Германии, только за неделю было совершено около 1000 преступлений в 4 крупных городах Северного Рейн-Вестфалия [11]. Очевидно, что преступность в регионе вырастет. Это связано с тем, что беженцам приходится бороться с социальными проблемами: безработицей, низким уровнем образования, опыт жертвы насилия. По данным ВКА (Федеральное ведомство уголовной полиции Германии) [11], жители исламских государств чаще прибегали к насилию, терактам, нежели жители стран Африки, которые тоже пребывали большими потоками в Европу.

Помимо экономических затрат, необходимо было всех беженцев, хотя бы минимально интегрировать в общество, обеспечить школьными местами детей, заселить в европейские кварталы, вливать в европейскую культуру и знакомить с европейской культурой. Хотя и потребность мусульман в строительстве мечетей понимается как само собой разумеющаяся, как «естественная нужда», местные жители расценивают это как вторжение на их собственную территорию и распространение другой религии. К этому же пункту стоит отнести, ношение исламской одежды, которая вызывает ассоциации с

джихадистами и неприемлема в европейском обществе. Ни один из этих различных европейских подходов не был полностью успешным и не предотвратил развитие параллельных обществ, в которых отдельные этнические, языковые и/или религиозные сообщества функционируют отдельно от культуры принимающей страны. Многие мусульмане в Европе, например, живут почти исключительно в мусульманских кварталах, и непропорционально большое их число бедны, безработны или находятся в тюрьмах.

Еще одна проблема, с которой сталкивается Европа — это рост незаконного оборота наркотиков и оружия. По данным Глобального исследования по незаконному обороту оружия 2022 Организацией Объединенных наций, 60% оружия [12] в период с 2015 по 2022 год было привезено в Европу из Сирии, Ирака и Ирана.

Данные факторы указывает на то, что с прибытием мигрантов, особенно мигрантов, исповедующих религию ислам, европейское общество крайне негативно стало относиться к прибытию.

Статистические данные о нелегальных мигрантах обычно привлекают внимание силовых структур к беженцам и просителям убежища из стран третьего мира, которые часто путешествуют на тех «лодках» и «грузовиках», которые стали неотъемлемыми частями СМИ. Однако недавно были проведены исследования, в ходе которых были изучены и расшифрованы некоторые из этих данных, и они показали, что большинство нелегальных мигрантов на самом деле не те «лодочники» или «грузовики», страдающие от нечеловеческих условий. Вместо этого цифры фактически скрывают просрочивших пребывание в страну людей, которые остаются в странах даже после истечения срока действия их виз. Большинство нелегальных мигрантов в Австралии — это просроченные британцы, в то время как в Великобритании живут американцы, а не африканцы или азиаты. Несмотря на весь ажиотаж в СМИ, вызванный изображениями лодок, с мигрантами, прибывшими на острова и берега Италии, только 10% нелегальных мигрантов прибыли в Италию на лодках.

Еще один важный вопрос, который следует подчеркнуть в отношении восприятия миграции общественностью как существенной угрозы, — это то, как явление миграции обсуждается в международных документах, в основном подчеркивающих статистику, демографический дефицит и дефицит рабочей силы на Западе, вместо того чтобы заниматься социальными, культурными и гуманитарными аспектами миграции. Можно утверждать, что в рамках такого рода воздействия миграция проблематизируется и статистизируется посредством ее вероятного воздействия на общие коэффициенты рождаемости и потенциальные коэффициенты поддержки в пространстве демографических и социальных процессов.

В этом дискурсивном пространстве вопрос безопасности Европы формулируется не в терминах опасных потоков, выходящих за ее границы, а в виде проблемы снижения рождаемости и его последствий для экономической производительности и устойчивости систем благосостояния

Успешное мультикультурное общество оказывается под угрозой и подвергается опасности, если не рассматривает мусульман как неотъемлемый элемент общества, отсюда — длительная безработица, некоторая социальная политика в отношении предоставления убежища и иммиграция, законодательство и т. д. являются очевидными частями социальной изоляции. Сегрегация и насильственная ассимиляция также являются отличительными чертами. Психические и физические страдания и географическая изоляция также заметны: мусульмане пытаются установить свое собственное пространство в общественных местах.

1.3. Терроризм как основная причина ислафобских настроений

Джихадизм берет свое начало в освободительной борьбе против западного колониализма на Ближнем Востоке [13]. Религиозные лидеры в Алжире, Ливии и Палестине вели джихад против своих французских, итальянских и британских повелителей в 19 и 20 веках. Защита ислама была

лишь одной из причин, по которой боевики взялись за оружие, чтобы вытеснить Запад. Как только иностранные армии ушли, эти боевые действия прекратились. Ряд самих мусульман воспринимает ислам не как религию, а как политическую идеологию, что сильно затрудняет попытку проведения линии защиты так называемого «традиционного ислама» методом исключения и отделения политической составляющей от самого ислама.

Подавляющее большинство мусульман законопослушны и не имеют ничего общего с «Исламским государством» [14]. Из 30 миллионов тех, кто живет на Западе, только 7000 присоединились к боевым действиям террористической организации за границей. Еще меньше совершалось насилие в Европе.

Ни одно европейское правительство не выразило уверенности в том, что значительная часть его мусульманского населения вовлечена в радикальную деятельность. Однако существуют исламистские экстремисты и маргинальные сообщества, выступающие за насилие. Такие исламистские экстремисты в Европе служили источником радикализации, и считается, что некоторые из них связаны с террористическими группами на Ближнем Востоке и в других местах. Германия и Испания были определены как ключевые базы логистики и планирования для атак 2001 года на Соединенные Штаты.

Политически мотивированные акты насилия, совершаемые отдельным мусульманином или группами, исключаются или преднамеренно скрываются. То, как средства массовой информации связывают ислам с образами и клише, стереотипными понятиями, которые приводят к коннотациям терроризма, насилия и жестокости, прокладывает путь к опасности превращения ислама в преувеличенный страх в глазах обычных граждан, которые мало что знают об исламе.

Не только средства массовой информации, но и многие институты и деятели, особенно политические деятели, играют роль в создании таких неправильных представлений. В частности, некоторые политические деятели ссылаются на радикальный ислам и исламский террор и подчеркивают их,

используя подход, который поощряет негативное восприятие ислама, чтобы узаконить свою политику, стратегии и действия на Ближнем Востоке. Поскольку СМИ и политика взаимосвязаны, одно всегда подпитывает и поддерживает другое. Поэтому развивается антиисламская спираль, и эта спираль негативно влияет и на другие институты.

Многие европейские правительства борются с вопросом о том, с какими типами исламских организаций им следует взаимодействовать, поскольку они стремятся поощрять диалог и более широкое участие мусульман в политической жизни [15]. Некоторые аналитики считают необходимым сотрудничество с консервативными в социальном и теологическом отношении мусульманскими организациями именно потому, что такие группы могут пользоваться большим доверием у ключевых мусульманских групп. Другие утверждают, что вместо этого европейским правительствам следует сосредоточиться на взаимодействии с более умеренными группами, желающими смешать исламскую религию и культуру с политическими ценностями основного европейского общества.

Хотя негативное восприятие ислама и мусульман часто связывают с негосударственными террористическими субъектами и насильственными событиями, исследования показывают, что такие неблагоприятные взгляды возникли еще до терактов 11 сентября и «войны с террором»/подъема ИГИЛ в последние годы.

С тех пор террористы с европейским гражданством или видом на жительство осуществили или пытались совершить многочисленные теракты как в Европе, так и за ее пределами. Хотя некоторые, по-видимому, действовали самостоятельно, другие получили поддержку и обучение из-за рубежа. Взрывы в Мадриде в 2004 году, в результате которых погибло 192 человека, были совершены группой североафриканцев, в основном марокканцев, проживающих в Испании; некоторые, как сообщается, были связаны с марокканской террористической группой, связанной с «Аль-Каидой». Трое из четырех виновных в лондонских терактах 2005 года, в результате которых

погибли 52 человека, были британскими мусульманами во втором поколении, недавно побывавшими в Пакистане, где, по некоторым подозрениям, они прошли террористическую подготовку. Другие террористические акты с участием граждан или жителей Европы включают заговор 2006 года группы, состоящей в основном из британских мусульман, с целью взорвать жидкие взрывчатые вещества на авиалайнерах, летевших из Великобритании в США [17] ; заговор 2007 года с целью нападения на военные и дипломатические объекты США в Германии, спланированный тремя гражданами Германии и резидентом Турции [18]; взрыв автомобиля в декабре 2010 г. и теракт смертника в Стокгольме, совершенный шведским гражданином иракского происхождения, и инцидент в марте 2011 года в немецком аэропорту Франкфурта, когда житель Косово-мусульманин открыл огонь по автобусу с американскими солдатами, убив двоих и серьезно ранив двоих.

Растущая активность джихадистов на Западе усилила аргументы в пользу ужесточения контроля над мечетями со стороны иностранного правительства. Большой ущерб европейскому обществу нанесли теракты. Самым ярким примером стала Франция – в результате атак джихадистов погиб 291 человек. Это заставило европейские власти пересмотреть политику в отношении мусульманских общин. Хотя большинство европейских стран рассматривают интеграцию как социальную потребность, выходящую за рамки борьбы с терроризмом, террористические атаки на европейскую землю за последнее десятилетие придали большой импульс инициативам, направленным на содействие участию мусульман в европейской политической, социальной и экономической жизни. Европейские правительства проводят различные стратегии для улучшения интеграции, особенно мусульман. Такие стратегии включают в себя введение новых законов о гражданстве и языковых требований в попытке привить общую идентичность, поощрение диалога с мусульманскими общинами в попытке обеспечить более широкое политическое участие мусульман, подготовку «доморощенных» имамов, более знакомых с

европейской культурой и традициями, улучшение образования и экономические возможности, и борьба с расизмом и дискриминацией.

По сообщениям ОБСЕ [19], неоднократно демонстрировалось, что агрессивные националистические митинги или террористические акты провоцируют инциденты и преступления на почве ненависти к мусульманам. Кроме того, риторика вокруг безопасности и терроризма и так называемой «войны с терроризмом» может способствовать злоупотреблениям или нападениям на мусульман и вызывать дискриминацию — даже со стороны учреждений и властей.

Терроризм подвергает испытанию демократию и основополагающие принципы Европы. Мусульмане хотят, чтобы их считали партнерами, которые во многом заинтересованы в обеспечении безопасности общества. Политические меры, направленные на сплочение и интеграцию сообщества, рискуют быть основанными не на поощрении равенства и основных прав, а на предотвращении терроризма. Важно, чтобы мусульманские общины не стали двойными жертвами — сначала терактов, а затем политических ответов на эти нападения. Необходимо пристраивать больше диалогов, социальной интеграции и политики недискриминации.

Национальные стратегии европейских стран, которые должны быть основаны на международных стратегиях, рассматривают мусульманские организации исключительно или преимущественно как угрозу в контексте террористических организаций, и они могут использовать понятия, связывающие ислам с терроризмом. Такие стратегии не поддерживают борьбу с исламофобией из-за определенных выражений, связывающих ислам и терроризм. Национальные стратегии Соединенного Королевства и Швеции используют термин «исламофобия» в своих национальных стратегических документах. Однако понятие используется для описания явления, ведущего к радикализму, и встречается ограниченно. Такие понятия, как «Альянс цивилизаций», диалог культур и верований — инструменты, используемые в борьбе с исламофобией, — не могут найти освещения вне шведской стратегии.

Отношения между исламофобией и террором имеют два основных измерения. Первое – подталкивает мусульман к экстремизму, такому как насилие из-за дискриминации и отчуждения. Это измерение находит свое место в национальных и международных стратегиях борьбы с терроризмом и касается превентивных аспектов.

Второе измерение касается террористических действий людей под влиянием исламофобской пропаганды против мусульман или иногда обвиняемых в толерантности по отношению к мусульманам. Желаемый уровень прогресса в решении как проблемы терроризма, так и исламофобии не может быть достигнут, если в политике борьбы с терроризмом не будет подчеркнуто и второе измерение. Таким образом, страны, столкнувшиеся с террористической угрозой, обязаны применять объективный подход к проблеме терроризма и соответствующим образом разрабатывать и осуществлять комплексную политику. В связи с этим терроризм не должен ассоциироваться ни с какой религией, этнической группой и идеологией, а с ценностями и деликатными вопросами конфессиональных групп. Это единственный способ исчерпать эти источники злоупотреблений для террористов и добиться успеха в борьбе с терроризмом. Это разрушит среду, ведущую к исламофобским действиям, и остановит распространение исламофобии. Однако ключевое значение имеют искренность, решительность и воля западных стран.

2. Европейская политика интеграции мусульманских мигрантов

2.1. Политика интеграции мигрантов в европейских государствах

Франция считается домом для самого большого мусульманского населения в Европе. Неофициальные оценки числа мусульман во Франции колеблются от 3,5 миллионов до более чем 6 миллионов, при общей численности населения Франции более 60 миллионов человек [20]. Согласно исследованию, проведенному в январе 2011 г. форумом по вопросам религии и общественной жизни исследовательского центра Пью [20], число мусульман во Франции составляет 4,7 миллиона человек, или 7,5% от общей численности населения. Во Франции также есть мусульмане, корни которых находятся в Тунисе и Марокко и других частях Ближнего Востока, а также в бывших французских колониях в Африке к югу от Сахары.

По количеству приверженцев ислам является второй религией во Франции после католицизма [20]. Однако мусульмане, проживающие сегодня во Франции, не представляют собой единой общины. Они привязаны к своим странам происхождения по языку и этническому происхождению. По оценкам, во Франции насчитывается от 1600 до 2000 мусульманских ассоциаций и мечетей, которые представляют различные традиции и точки зрения.

Закон 1905 года подтвердил французский идеал отделения церкви от государства, известный во Франции как *laïcité*. Закон определял католицизм, протестантизм и иудаизм как признанные религии и предусматривал для них средства для создания представительных органов, которые могли бы обсуждать с французским правительством важные вопросы, такие как признание религиозных праздников и строительство мест отправления культа. Однако только в 1980-х годах Франция официально признала мусульманскую веру. В 2002 году мусульмане получили право создать учреждение для представления ислама перед французским правительством.

Во Франции широко распространено мнение, что многие мусульмане плохо ассимилировались. Значительные социально-экономические различия между «коренными» французами и выходцами из Северной Африки и/или мусульманского происхождения заставили многих усомниться в эффективности традиционных французских моделей ассимиляции, основанных на республиканском идеале равенства. Эти различия часто проявляются в резких различиях в уровне занятости, доступе к жилью и уровне образования. Уровень безработицы среди групп иммигрантов во Франции, по оценкам, вдвое превышает уровень безработицы среди населения в целом и даже выше среди тех, кто имеет корни в Северной Африке. Немногие мусульмане видны на высших уровнях французской политики, средств массовой информации, судебной системы, бизнеса или государственной службы. Значительное число французских мусульман, особенно мусульманская молодежь, проживает в проектах государственного жилья, расположенных на окраинах городских центров. Эти районы, известные как пригороды, отличаются бедностью и высоким уровнем безработицы. Процент мусульман, не закончивших среднюю школу, по-видимому, значительно выше, чем процент немусульман.

За последние 10 лет французское правительство приняло новые меры [21], чтобы помочь лучше ассимилировать мусульман и устранить потенциальные угрозы безопасности, исходящие от мусульманских общин. Эти меры придают большое значение сохранению идеалов республиканства и отражают институциональный подход в соответствии с давней традицией использования высокоцентрализованного государственного аппарата для обеспечения общественного порядка. Французское правительство по-прежнему неохотно продвигает меры, которые предусматривали бы особое внимание и обращение с мусульманами. Скорее, акцент был сделан на создании структур для диалога между представителями ислама и правительства, а также на обеспечении соблюдения закона для обеспечения общественной безопасности.

Создание в 2003 году Французского совета мусульманской веры *Conseil français de la culture musulmane* считается одним из наиболее значительных усилий по

улучшению связей между французскими мусульманами и государством. Наблюдатели расценили создание CFCM под руководством правительства как попытку уменьшить иностранное влияние на мусульманское население Франции и тем самым продвинуть французскую разновидность ислама, не противоречащую ценностям республики. CFCM представляет мусульманскую религию, но не предназначена для представления всех мусульман во Франции [20]. Скорее, это форум для обсуждения с государственными чиновниками вопросов строительства мечетей, соблюдения религиозных праздников и обеспечения, например, соответствующего питания для мусульман во французской тюремной системе. Сотрудничая с CFCM, французское правительство предоставляет финансирование и обучение имамов, а также поддерживает развитие большего количества мест для молитв и мечетей.

Однако из-за «атомизации» французской мусульманской общины это доказывает то, что CFCM является аппаратом четкого, хорошо развитого политического диалога, который может способствовать в ближайшем будущем большей интеграции мусульман во французскую жизнь.

Германия проводила схожую с Францией политику интеграции мусульманских обществ. В Германии проживает около 4 миллионов мусульман, что составляет примерно 5% от общей численности населения в 81 миллион человек [23]. Мусульмане составляют третью по величине религиозную группу в Германии после католиков и лютеран.

Хотя подавляющее большинство мусульман, живущих в Германии, считаются умеренными в религии, поддержка более экстремистских взглядов может расти, особенно среди некоторых молодых мусульман. Германское правительство, что часть мусульманской молодежи не идентифицирует себя с Германией и все больше руководствуется панисламскими представлениями.

Несмотря на достижения в некоторых областях, общая интеграция мусульман в немецкое общество была минимальной. Многие немцы считают, что мусульмане отказываются принимать немецкие нормы и ценности и хотят оставаться в стороне от большинства населения. Отношение немцев к

мусульманским общинам, хотя и основанное на различиях в культуре и ценностях, также усугубляется постоянными социальными и экономическими проблемами, с которыми сталкивается страна в целом. Многие мусульмане считают, что немецкое общество не желает полностью принимать людей разных рас, независимо от того, ассимилируются они или нет.

Правительство Германии открыло Национальную конференцию по исламу в Германии [24], призванную стать первым шагом к большей интеграции мусульман в политический процесс Германии. Национальная конференция имела неоднозначный успех: некоторым мусульманским организациям было запрещено участвовать, потому что они придерживаются взглядов, которые считаются чрезмерно консервативными, а другие выражают обеспокоенность тем, что правительство слишком сосредоточено на использовании конференции для решения проблем безопасности.

Консервативные политики предприняли попытку связать процесс натурализации с новыми требованиями интеграции. Государства Германии приняли руководящие принципы натурализации, требующие от будущих граждан владеть немецким языком, пройти обязательный курс интеграции по немецким демократическим принципам и принять участие в церемонии натурализации, которая включает присягу. Федеральное правительство ввело тест на гражданство с несколькими вариантами ответов, который должен пройти каждый иммигрант, чтобы получить паспорт. Некоторые критики теста на гражданство утверждают, что вопросы слишком требовательны или что они увековечивают стереотипы об исламе и мусульманских верованиях, задавая, например, вопросы о взглядах на гендерное равенство и терпимость к гомосексуалистам.

После 11 сентября Германия приняла ряд новых законов о борьбе с терроризмом [25], которые ограничивают защиту, предоставляемую исламистским экстремистам. Германия все больше обеспокоена радикальными священнослужителями, которые могут проповедовать в немецких мечетях. Поскольку в Германии не проводилось обучения мусульманских

священнослужителей, большинство мусульманских религиозных лидеров приезжают из-за пределов Европы и могут приезжать в Германию с негативными и часто враждебными взглядами на западные институты и ценности. В соответствии с законами о борьбе с терроризмом, принятыми в 2001 г., запрещено следить за тем, что происходит внутри мечетей. Некоторые земли Германии приняли законы, согласно которым имамы должны проповедовать на немецком языке.

Внедрение тестов на гражданство и интеграционных тестов в нескольких европейских странах стало феноменальной проблемой, поскольку оба вида тестов явно разработаны на основе культурных критериев. Целью этих тестов является ограничение иммиграционного потока неквалифицированных кандидатов. Реформы гражданства в большинстве европейских стран за последнее десятилетие стали более строгими из-за опасений терроризма.

Введение «теста отношения» Баден-Вюртемберг в 2006 году [26] стал первым шагом на пути к более ограничительному режиму гражданства в отношении мигрантов мусульманского происхождения и их потомков в Германии, у которых спрашивают их мнение по таким вопросам, как насилие в семье, браки по договоренности, свобода вероисповедания и терроризм.

В августе 2007 года, после вступления в силу Закона о гражданстве с поправками, тест стал общенациональным мероприятием в Германии. Федеральное министерство внутренних дел заявило, что теперь для натурализации потребуется знание немецких гражданских ценностей. Определение гражданских ценностей включает базовые знания правового и социального порядка и образа жизни в Германии, а также владение национальным языком. Такие тесты также недавно были введены в Австрии, Дании.

Политика Германии имеет идентичную направленность, что и в Нидерландах. Страна, в которой основной принцип социальной политики – сохранение культурных различий, резко и негативно принимает ассимиляционную политику.

Говоря о формировании мусульманских сообществ в Нидерландах, проблема интеграции иммигрантов-мусульман возникла в Нидерландах недавно - в начале 2000-х годов. В голландском политическом дискурсе ей предшествовали проблемы этнических меньшинств начиная с 1990-х годов, еще ранее - проблемы устройства трудовых мигрантов и беженцев на временное жительство.

Иммигранты мусульманского вероисповедания стали массово прибывать в Голландию еще в 1960-х годах. Голландия, испытывающая в это время нехватку неквалифицированной рабочей силы, заключила двусторонние договоры с рядом стран, где на тот момент уровень безработицы был достаточно высок. Так в Нидерландах появились трудовые мигранты из Турции и Марокко. Десятью годами позже в результате данного властями разрешения на воссоединение семей они создали свои этнические сообщества.

Как правило, приблизительное количество мусульман в Нидерландах определяется на основании численности этнических групп, традиционно исповедующим ислам, - самыми крупными среди них являются турецкая, марокканская и суринамская диаспоры, средняя численность каждой из них - от 300 до 350 тыс. человек. В соответствии с этим принципом, в Голландии на сегодняшний день проживают самое меньшее 1 млн. мусульман.

Некоторые эксперты указывали, что основные вертикальные страты голландского общества - католическая и протестантская - всегда представляли собой значительные как по размеру, так и по уровню политического, экономического и культурного влияния неэтнические группы внутри голландского общества, в то время как «целевая аудитория» политики мультикультурализма - это небольшие этноконфессиональные группы, не обладающие, как правило, каким-либо значимым влиянием на общество в целом и даже не воспринимаемые им как составная часть. Таким образом, если в случае пилларизации речь шла о некоей балансирующей системе, позволявшей разным стратам сосуществовать внутри одного общества, влияя на его политические, экономические и социальные характеристики, то

голландский мультикультурализм ограничивался только защитой иммигрантских меньшинств от культурной ассимиляции. Никакого значимого (тем более - равного) политического, экономического или культурного влияния на общество в целом со стороны меньшинств он никогда не предполагал.

Политика мультикультурализма в Нидерландах послужила реакцией государства на то, что приехавшие в страну иммигранты, изначально воспринимавшиеся как временное явление, как и большинстве странах Европы. Таким образом, можно сделать вывод, что правительство не разработало работающие механизмы в интеграции населения.

Ярким инцидентом провальной политики стал кризис между Турцией и Нидерландами, направленный против мусульман турецкого происхождения. 11 марта отношения между Турцией и Нидерландами резко ухудшились, и с тех пор дипломатические отношения отошли на второй план. Последствия этого кризиса все еще ощущаются во всех сферах. К людям турецкого происхождения постоянно подходят и даже допрашивают в школе, на работе, в портовых клубах и во время светских встреч. Совместные мероприятия отменяются или откладываются, ритейлеров избегают.

Важную роль в процессе взаимодействия между властью и трудовыми мигрантами играли и специально созданные «фонды благоденствия трудовых мигрантов», которые государство также со временем взяло на полное финансовое обеспечение. Эти фонды вытеснили другие организации из процесса взаимодействия с иммигрантами, сделав государство монополистом в вопросе определения места иммигрантских сообществ в структуре голландского общества. В правительственном меморандуме по этому поводу определения «меньшинства» не содержалось, так как политики, участвовавшие в его составлении, не смогли договориться, каким оно должно быть. Уже в тот период государство стремилось свести до минимума влияние на «свои» меньшинства как со стороны стран происхождения, так и со стороны возникавших в самой Голландии «низовых» иммигрантских организаций.

В сохранении своей культурной идентичности мусульмане не могли рассчитывать на политику в отношении меньшинств, так как они не являлись признанным в Голландии меньшинством. Следовательно, они не могли представлять проекты для получения субсидий через фонды: на такие проекты политика в отношении меньшинств формально не распространялась. В конечном счете государственное финансирование религиозных проектов через фонды оказывалось возможным при условии их нерелигиозного обоснования, что значительно усложняло задачу и стимулировало поиски альтернативных путей ее решения.

Однако несмотря на то, что в категорию меньшинств мусульмане не вошли, правящие элиты все-таки периодически задумывались о необходимости налаживания политических контактов с мусульманами. Свидетельством некоторой озабоченности этим вопросом может, в частности, служить тот факт, что парламент Нидерландов, отменив дотации на сооружение христианских церквей, оставил право за мусульманами обращаться к государству за финансированием строительства молельных домов. Также мусульмане наравне с католиками и протестантами - получили право создавать общеобразовательные школы со своим религиозным компонентом. В реальности создание новых школ было сопряжено с трудностями, так как сталкивалось с массовыми протестами жителей близлежащих районов.

Сможет ли голландское общество на современном этапе заставить свои меньшинства интегрироваться только на своих условиях - вопрос, окончательный ответ на который даст будущее. Если в попытке дать предварительный ответ ориентироваться на опыт других государств, столкнувшихся с аналогичной проблемой раньше таких, как Канада или Австралия, то с большой вероятностью можно предполагать, что ответ будет отрицательным. Это значит, что процесс интеграции для иммигрантов, и, в частности, мусульман, в ближайшее время будет особенно сложным, так как он предполагает отказ от первичной идентичности - что трудно осуществимо.

Несмотря на то, что европейские страны имеют схожую политику в области интеграции, самую эффективную политику проводила Великобритания, вырабатывая свои собственные механизмы. По оценкам исследований, в Соединенном Королевстве проживает около 2,9 миллиона мусульман. За последнее десятилетие мусульманское население Великобритании росло высокими темпами: перепись 2017 года насчитала около 1,6 миллиона мусульман, а обследование рабочей силы Великобритании - около 2 миллионов. Мусульманское население Великобритании молодо, по оценкам, 50% моложе 25 лет.

«Интеграция — это улица с двусторонним движением» [27] — это были знаменитые слова бывшего премьер-министра Дэвида Кэмерона чуть более 10 лет назад, когда он жил в мусульманской семье.

Интеграция является основной частью общественных дебатов об иммиграции, этническом и религиозном разнообразии в Великобритании. Благодаря интеграции беженцы становятся активными членами британского общества. Это важно и для самих беженцев, и для общин, в которые они переселяются, и для общества в целом. Беженцы представляют собой разнородную группу в зависимости от страны их происхождения, образования и работы, а также продолжительности жизни и опыта, который они получили в Соединенном Королевстве. Неудачи интеграции могут принимать различные формы; включая социальную сегрегацию, напряженность в отношениях между мигрантами и принимающими общинами, низкую успеваемость и высокий уровень безработицы. Восприятие того, что мигранты не интегрировались, также может усугубить негативное отношение общества.

Интеграция — это улица с двусторонним движением, и для ее достижения необходимо, чтобы и мигранты, и принимающие сообщества нашли способы взаимодействия. Отсутствие интеграции часто наиболее заметно в районах с высоким уровнем бедности, что указывает на необходимость устранения структурных барьеров, включая отсутствие экономических возможностей. Смешанный элемент дискриминации по

религиозному и этническому признаку является ключевым моментом, когда беженцы часто рассматриваются как «другие» или воспринимаются как угроза. Индивидуальная поддержка беженцев, сталкивающихся с ненавистью, признание культурных различий и преодоление потенциальных языковых барьеров были бы долгожданной инициативой.

По всей Великобритании гражданское общество и религиозные организации следят за тем, чтобы те, кто прибывает в рамках Программы переселения уязвимых лиц (VPRS) и Программы спонсорства сообщества (CSS), были приняты в сообщество и знакомились с мероприятиями, которые могут помочь построить дружеские отношения между мигрантами и местным населением.

В частности, схема общественного спонсорства устанавливает социальные связи между семьей беженцев и спонсирующей организацией и позволяет многим людям вступить в контакт с беженцами. Но те, кто не прошел через организацию, имеют сравнительно мало социальных контактов в современных реалиях.

По всей Великобритании есть бесчисленное множество примеров мусульманских групп, общин и гражданского общества, которые работают над тем, чтобы изменить мир к лучшему и поддержать беженцев и мигрантов. Мусульманская диаспора также имеет хорошие возможности для понимания проблем миграции и конкретных культурных проблем, с которыми могут столкнуться некоторые беженцы.

В ответ на кризис с сирийскими беженцами люди со всей страны организовались для создания гостеприимных сообществ, сформировав более 90 групп кампании «Приветствие беженцам». Мусульманские лица и группы активно участвовали в движении «Приветствие беженцев» через членство в организации «Граждане Великобритании», подталкивая правительство к увеличению числа беженцев, которых они обязались переселить, в результате чего к 2020 году они обязались переселить 20 000 человек.

Для многих беженцев недостаточное владение английским языком, а также отсутствие признанной в Великобритании квалификации являются ключевыми факторами, препятствующими их способности найти работу. По всей Великобритании сообщается о нехватке курсов ESOL, и существует опасность того, что задержки с началом занятий английским языком окажут негативное влияние на благополучие и интеграцию. Беженцы изучают английский язык на неформальных занятиях, а также в повседневном общении с носителями английского языка. Опять же, мечети и общественные группы могли бы сыграть здесь ведущую роль, предоставляя места и возможности для социальных контактов и бесед.

Британский подход к интеграции долгое время делал упор на мультикультурализм, а не на ассимиляцию. Этот подход направлен на поощрение терпимости и привитие равенства, позволяя иммигрантам и этническим группам сохранять свою культурную самобытность и обычаи. В связи с этим, Великобритания стала убежищем для экстремистов и рассадником террористов. Традиционно либеральные законы Великобритании о предоставлении убежища и иммиграции, а также ее строгие меры защиты свободы слова и неприкосновенности частной жизни привлекли многочисленных радикальных священнослужителей, заявляющих о преследовании. «Бомбардировщик обуви» Ричард Рейд и «20-й» угонщик самолетов 11 сентября оба посещали мечеть Финсбери-Парк в Северном Лондоне, которой до 2003 года руководил экстремистский священнослужитель Абу Хамза.

Организация TellMAMA (Измерение антимусульманских нападений) собирает данные о зарегистрированных случаях оскорблений, дискриминации и насилия на почве исламофобии. В ее годовом отчете за 2017 г. указано, что в 2017 г. было зарегистрировано 1380 инцидентов, из которых 1201 было подтверждено ее персоналом:

1. Более двух третей подтвержденных инцидентов произошли «офлайн» (70%), что представляет собой 30-процентный рост количества офлайн-сообщений по сравнению с предыдущим отчетным периодом.
2. Большинство жертв были женщинами (57,5%). Большинство правонарушителей были мужчинами (64,6%). Явное большинство (72%) преступников были белыми мужчинами.
3. По имеющимся данным, более половины жертв были мусульманками (53%).

Мультикультурный политический подход не может решить глубокие социальные разногласия, которые затрагивают многие аспекты жизни в Великобритании. Сообщается, что многие молодые британские мусульмане, которых привлекает экстремизм, испытывают чувство культурного отчуждения, бесправия и дискриминации. Некоторые, кажется, обращаются к исламу как к способу противодействия чувству отчуждения.

Таким образом, политику интеграции в Великобритании можно назвать успешной, несмотря на наличие минусов, упомянутых выше. Успех мусульманских общин в Британии обусловлен рядом важных факторов, отличающих отношение британских мусульман от их французских и других коллег.

Во-первых, британские мусульмане, как правило, считают себя отдельной группой и предпринимают очень мало попыток интегрироваться в основное британское общество. Хотя, с другой стороны, британское общество всегда принимает мусульманские общины. Это культурное сопротивление создает баланс и установки о том, что мигрантов всегда примут.

Во-вторых, британские мусульмане смогли сохранить эту изоляционистскую позицию благодаря своей социально-экономической власти, которая позволяет им обходить навязанные требования основного британского общества.

В Западной Европе растет осознание важности мусульманских общин и проблем, связанных с их способностью к интеграции, поскольку архитектура

новой социально-политической и культурной Европы продолжает разрушаться. Это растущее осознание является предметом споров как среди мусульман, так и в принимающих их обществах и вызваны рядом взаимодополняющих факторов. В основном, мусульмане второго поколения все активнее и активнее используют ислам как средство социально-политического самовыражения и как подтверждение своей отдельной идентичности.

Преобладающие экономические условия оказывают сильное влияние на соответствующие судьбы мусульманских общин в Западной Европе и, таким образом, тесно влияют как на реакцию принимающего общества, так и на соответствующую реакцию мусульманских общин.

Социально-экономический статус является еще одним ключевым элементом в отношениях между мусульманами в Европе и местными жителями. Поэтому в таких странах, как Великобритания, где мусульманские общины оказались выше по социально-экономическим слоям, чем их континентальные коллеги, позиции общин были заметно сильнее и гораздо эффективнее на социально-политической арене.

Вышеупомянутые вопросы идентичности и культурной инклюзивности являются фундаментальными вопросами, которые должна решить новая Европа, и недооценка их потенциального воздействия является опасным фактором для успешной итерации. Механизмы, которые на данный момент разрабатывает большая часть Европы, малоэффективны, так как хоть и Европа придерживается политики мультикультурализма, она все равно прививает местные ценности больше, чем дает интегрировать свои.

Отказ признать эти симптомы распространяющейся социальной опухоли уже привел к росту современного исламистского движения и его последующей радикализации в мусульманском мире, и было бы неглупо предположить, что продолжающаяся поляризация соответствующих позиций может привести к аналогичному сценарий в Западной Европе и прочность хрупкой европейской социальной ткани не следует переоценивать.

Однако в ближайшем будущем маловероятно, что роль мусульманских общин в Западной Европе станет катализатором социальной дезинтеграции, но обеим сторонам пора вступить в содержательный диалог, который поможет сократить дистанцию между двумя сторонами. Такой диалог необходим обеим сторонам, но он должен быть компромиссом, при котором уважается культурная согласованность и безопасность Западной Европы, но при этом мусульманским общинам разрешается интегрироваться на взаимоприемлемых условиях, которые обеспечивают развитие в качестве социальных и культурных партнеров.

2.2 Влияние исламофобии на социально-политические отношения в Европе

Религия остается одним из значительных источников нетерпимости, дискриминации и маргинализации во всем мире. В наше время деятельность религий вместо того, чтобы поощрять мир и взаимную терпимость, усугубляет страх, недоверие и негативные чувства среди их соответствующих последователей. Мирное сосуществование в мире часто подвергается опасности и угрозе из-за отказа одной религиозной или нерелигиозной группы терпеть верования и обычаи других людей на основании их религиозной принадлежности. Ежедневные шокирующие и экстренные новости отражают насилие, связанное с религией.

Согласно новому докладу, опубликованному в конце 2020 года, исламофобия в Европе "усилилась, нежели достигла переломного момента [11]. В нем подробно исследуется основная динамика, которая прямо или косвенно поддерживает рост антимусульманского расизма в Европе в 2020 году.

Стоит подчеркнуть то, что СМИ – является важным элементом в представлении религии, а именно то, что исламофобия — это не фиксированная или стабильная тема, а скорее изменчивая и, следовательно, не привязанная к

конкретной стране или населению. Таким образом, представление мусульман в СМИ зависит от того, в каком контексте оно находится, а также оно может состоять из множества предрассудков и различных форм дискриминации. Со временем это может создать влиятельные черты исламофобии.

Несмотря на первоначальный успех Франции в интеграционной политике, с увеличением потоков мигрантов, политика резко перешла на противоположную сторону. Неоспоримым доказательством анимусульманских взглядов во Франции можно отнести к публикации еженедельника Charlie Hebdo, который напечатал спорные карикатуры (рис 3) [5] про пророка Мухаммеда. Номер газеты от 2 ноября, озаглавленный «Charia Hebdo», обыгрывание французского слова «шариат», опубликовал пророка Мухамеда, который угрожает в карикатуре на первой полосе: «100 ударов плетью, если не умрешь от смеха!». Внутри десятки сатирических рассказов и карикатур, изображающих Мухаммеда, а также карикатуры на женщин, одетых в паранджу, покрывало, закрывающее лицо. Идея заключалась в том, чтобы «отпраздновать» победу исламистов выборах в Тунисе и введение шариата в Ливии.

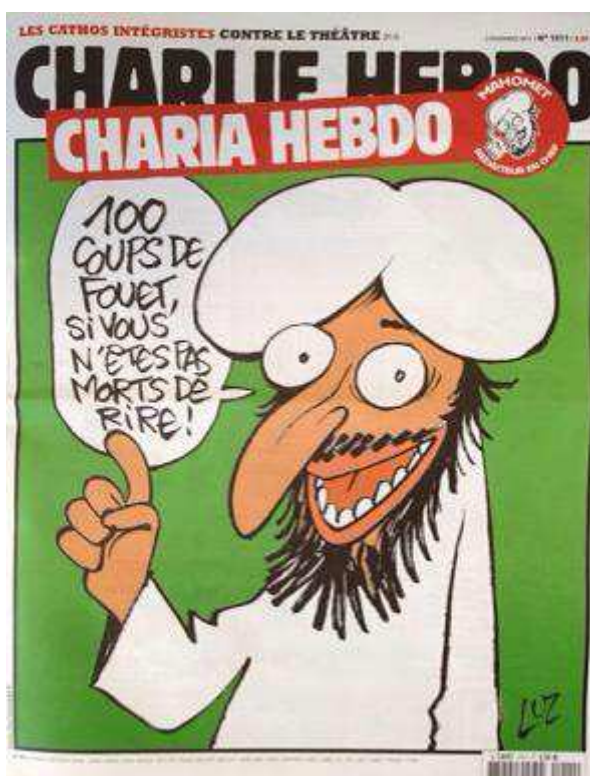

Рисунок 3 — карикатура, выпущенная в журнале Charia Hebdo

Изображения в карикатурах являются отличительной чертой того, как СМИ используют образы мусульман, и декларирует двойную сторону того, как право на свободу слова и самовыражения является жизненно важным элементом демократии, но в то же время используется для создания предубеждения или дискриминация. Таким образом, необходимо признать жизненно важную роль журналистов: на них лежит большая ответственность за то, чтобы не публиковать дискриминационные изображения.

Жак Ширак, 22-й президент Франции, назвал это явной провокацией, «...нужно избегать всего, что может повредить убеждениям других» [30].

Многие мусульмане действительно сочтут карикатуры оскорбительными, потому что они нарушают обычай ислама, запрещающий изображать Пророка. И это не единственный случай, когда во Франции проявляли «особый интерес» к религии.

Так, например, бывший Президент Франции Николя Саркози выступил с резкой риторикой о необходимости того, чтобы лица иностранного происхождения уважали закон, изучали французский язык и принимали французские культурные нормы. Некоторые из наиболее громких интеграционных инициатив его правительства подверглись критике со стороны мусульман и защитников прав иммигрантов за несправедливое преследование мусульман и за увековечение негативных представлений о роли ислама во французском обществе. Скорее данная политика Саркози больше определяется его желанием заручиться поддержкой консервативных избирателей в преддверии президентских выборов 2012 года, особенно когда он сталкивается с растущим политическим давлением со стороны ультраправого антииммигрантского Национального фронта и его лидера Марии Ле Пен.

В 2020 году Франция так же отличилась в отчете EIR 2020 [31]. Редакторы выбрали изображение президента Франции Эммануэля Макрона — политика, которого, многие считают представителем центристского движения.

Сам этот факт служит еще одним свидетельством того, что центр стал более экстремистским в отношении исламофобии. Французские и австрийские мусульмане оказались в руках жестокого государственного насилия, которое было узаконено во имя законов о борьбе с терроризмом. Закрытие французского мониторингового органа Collectif contre l'islamophobie en France (Коллектив против исламофобии во Франции), является примером того, как далеко зашла государственная исламофобия. Президент Франции стал лицом институциональной и структурной исламофобии в Европе. Например, президент Франции сравнил внутренние проблемы Европейского союза и его валютной системы с религиозным конфликтом. Он однажды сказал, что протестантский север придерживался жесткого и моралистического отношения к долгам, в то время как католический юг с его культурой исповеди и отпущения грехов придерживался более беззаботного взгляда.

Его политика направлена непосредственно против, дискриминации и криминализации мусульман во Франции. В Европе мало стран, где ислам и мусульмане подвергаются такому пристальному вниманию, как во Франции.

Конечно, в Европе есть и другие деятели, которые придерживаются той же политики, что и Франция, но Франция применяет исламофобские методы на государственном уровне в отношении своих мусульманских меньшинств. Только в конце 2021 года во Франции были совершены нападения на две мечети [32] на фоне растущей антимусульманской риторики со стороны политического истеблишмента страны, который все чаще рассматривает мусульман как внутреннюю угрозу. За последние два года во Франции было закрыто более 17 мечетей за нарушение законов о безопасности или несоблюдение надлежащих стандартов безопасности. Еще 89 мечетей также находятся под наблюдением. Согласно отчету об исламофобии за 2021 год, системное давление Франции на мусульман привело к беспрецедентному увеличению числа полицейских обысков, угрозам выселения, а также закрытию мечетей и школ, включая роспуск гуманитарной неправительственной организации и правозащитной организации, защищающей мусульман во

Франции от расизма и дискриминации. В совокупности эти действия, предупреждалось в докладе, угрожают основным свободам мусульман.

Однако, критика ислама иногда может быть узаконена, даже если она может быть определена как фактическое нарушение, такое как разжигание ненависти.

Этот сдвиг в общественном дискурсе об иммиграции также привел к недавним изменениям в государственной политике, связанной с мусульманскими обычаями. Ранее, в 2010 году, бельгийский парламент проголосовал за запрет никабов в общественных местах [33]. Однако правительство пало до того, как Сенат смог проголосовать за принятие закона.

Аналогичным образом французский законодательный орган запретил ношение никаба публично. Закон вступил в силу весной 2011 года и предусматривает штраф в размере 150 евро за ношение никаба в общественных местах. Министр юстиции Франции Мишель Аллио-Мари объяснила необходимость этого закона с точки зрения французской интеграции и общественных ценностей, заявив, что жить с открытым лицом это вопрос достоинства и равенства.

Есть и другие признаки того, что все больше и больше европейцев опасаются растущего числа иммигрантов-мусульман. В Великобритании и Франции за 20-летний период, можно обнаружить, что антимульманские настроения в двух странах сегодня выше, чем в конце 1980-х годов [34]. В Швейцарии, где в 2009 году был проведен референдум, чтобы определить, могут ли мечети пристраивать минареты к своим зданиям, опрос Gallup показал, что примерно 4 из 10 граждан видят неразрешимое противоречие между ценностями либеральной демократии и ислама.

В то время как во многих странах Европы количество преступлений на почве исламофобии снизилось, согласно отчету об исламофобии за этот год [35], Германия воспротивилась этой тенденции. В 2020 году по всей Германии

было совершено более 901 исламофобского преступления, 146 из которых были направлены против мечетей, а 48 - против людей. В то же время антимусульманские общественные движения организовали свои митинги, несмотря на пандемию.

Во Франции в то же время зарегистрировано всего 1142 случая преступлений на почве ненависти, в том числе 235 случаев против мусульман [11]. В Австрии же мусульмане также пережили еще один трудный год: число преступлений на почве ненависти увеличилось более чем вдвое и составило 812 зарегистрированных случаев. Согласно отчету, мусульманская община Австрии также столкнулась с еще одним непростым годом. Ранее в этом году австрийские группы гражданского общества решительно выступили против проводимой государством расистской и исламофобской кампании, в ходе которой в ноябре 2020 года власти провели 60 рейдов по бесчисленным мусульманским домам. Рейды были проведены по приказу прошлого правого министра внутренних дел страны Карла Нехаммера, в результате чего вооруженные вплоть до силы жестоко врываются в дома ранним утром. Правительство приветствовало эти рейды как успешные. Однако отсутствие результатов поставило под сомнение цель рейдов в стране, где все чаще наблюдается рост антимусульманской риторики.

Также, во Франции был принят закон, который, по существу, запрещает женщинам носить чадру, закрывающую лицо в общественных местах, и головные платки в государственных школах; местные органы власти в некоторых других странах, таких как Бельгия, Испания и Италия, также ввели ограниченные запреты на исламскую одежду. Сторонники таких ограничений рассматривают их как средство поощрения секуляризма и снизить социальную напряженность; критики возражают, что эти запреты на исламскую одежду нарушают основные права человека и усиливают чувство отчуждения среди мусульман. Точно так же многие комментаторы рассматривают

Тенденция к усилению антииммиграционных настроений наблюдается и в Германии. Бывший канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что мультикультурный подход в Германии потерпел неудачу, отметив, что иммигранты не желают адаптироваться к немецкому обществу. Дебаты об иностранцах в Германии также получили широкую огласку с тех пор, как бывший глава центрального банка Тило Сарразин опубликовал книгу *Deutschland schafft sich ab* (Германия покончила с собой), в которой он обвинил иммигрантов-мусульман в снижении интеллекта немецкого общества.

Но несмотря на все законы и меры, которые приняла Германия, это не помогло ей избежать исламофобских действий. Германия в целом задокументировала более 31 000 случаев преступлений на почве ненависти, в том числе 901 преступление на почве ненависти против мусульман.

Одним из ярких примеров, судья турецкого происхождения был отстранен от должности за ношение головного платка, в то время как Конституционный суд Бельгии постановил, что законно запрещать политическую и религиозную символику в учреждениях после среднего образования. В начале июня 2021 года Конституционный суд постановил, что запрет на ношение головных платков не будет противоречить Европейской конвенции по правам человека (ЕСПЧ). Дело было передано в Конституционный суд Брюссельским судом после того, как студенты-мусульмане подали в суд на Брюссельский университетский колледж имени Франсиско Феррера из-за запрета всех религиозных символов.

Постановление вызвало негативную реакцию в социальных сетях среди молодежи и студентов, а правозащитные организации также осудили этот шаг как нарушение основного права человека. После принятия решения 12 бельгийских университетов и колледжей заверили студентов, что не будут вводить такой запрет, подчеркнув, что свобода вероисповедания защищена в их классах, сообщает Brussels Times [12].

В последние годы в Германии, антимусульманские настроения только усилились, последними из которых стали демонстрации ПЕГИДА [12], которые

привлекли внимание всей Европы, стало совершенно ясно, что антимусульманские и враждебные исламу настроения широко распространены не только в крайне правых кругах, но и в значительной степени перенимаются всеми направлениями немецкого общества, несмотря на социальный статус и политическое происхождение, угрожая сплоченности многокультурного и многоконфессионального иммиграционного общества, которым Германия уже давно стала.

Исследования и отчеты антидискриминационных органов доказывают, что дискриминация в отношении мусульман и преступления на почве исламофобии не являются единичными случаями в Германии и что негативное отношение к мусульманам влияет на институциональную практику, которая способствует структурной дискриминации и далеко идущей социальной изоляции и, таким образом, предотвращает интеграцию крупнейшего религиозного меньшинства Германии.

Социальная изоляция мусульманских женщин, которых легко различить по хиджабу, особенно вопиющая и приводит к ситуациям, когда эти женщины не могут в полной мере пользоваться своими правами человека, когда речь идет об образовании и праве на труд. Международные и национальные органы по правам человека неоднократно уведомляли Германию о том, что правительство недостаточно выполняет свои обязательства по защите мусульманского населения. В 2012 году Комиссар Совета Европы по правам человека упрекнул европейские страны, включая Германию, в опасных последствиях роста антимусульманских предрассудков. Он предупредил, что общеевропейский дискурс, в котором мусульмане конструируются как абсолютные «другие», тесно связан с усилением мусульманских и исламофобских настроений. Он указал, что, как следствие, мусульманские женщины и мужчины стали жертвами многих видов дискриминации и объектом ограничительного законодательства и политики, которые в значительной степени препятствуют интеграции на европейском уровне.

Анализ медиа-контента документирует рост антимусульманских сюжетов в некоторых европейских странах, а также смещение акцента в этих сюжетах. В Великобритании с 2000 по 2022 год, основная часть освещения британских мусульман — около двух третей - сосредоточена на мусульманах как угрозе (по отношению к терроризму), проблема (с точки зрения различий в ценностях) или и то, и другое (мусульманский экстремизм в целом). Начиная с 2002 года количество таких историй неуклонно росло. Однако, хотя терроризм был постоянной темой этих историй, существует растущее освещение религиозных и культурных проблем наряду с очень небольшим количеством историй, связанных с иммиграцией и убежищем.

Хотя большинство мусульман в Великобритании не участвуют в экстремистской деятельности, существует маргинальное сообщество, которое выступает за радикальный исламизм и, в некоторых случаях, поддерживает насильственный экстремизм.

Во многих случаях экстремисты ссылаются на внешнюю политику Великобритании, в том числе на роль Великобритании в Ираке и Афганистане и предполагаемую предвзятость в поддержку Израиля, как на оправдание насильственных действий. В последние годы несколько громких дел привлекли внимание к экстремистским элементам среди мусульманского сообщества Великобритании. В частности, 7 июля 2005 г. четверо британских мусульман, выступавших против участия Великобритании в делах Ирака и Афганистана, убили 52 человека в результате серии терактов террористов-смертников в Лондоне. Британские официальные лица выразили особую тревогу по поводу того, что трое из четырех преступников были британскими мусульманами пакистанского происхождения во втором поколении.

Исследования показывают, что британские мусульмане, как правило, находятся в более неблагоприятном экономическом положении, чем в среднем по стране, с гораздо более высоким уровнем безработицы. Многие мусульманские общины в Великобритании сосредоточены в неблагополучных

жилых районах. Мусульмане также составляют непропорционально высокий процент заключенных в Великобритании.

Люди с антиисламскими взглядами пытаются ограничить мусульманскую иммиграцию и исламские религиозные обряды. По их мнению, ислам — это гомогенная тоталитарная идеология, угрожающая западной цивилизации. Когда мы говорим об антимусульманском расизме, рассматриваемые установки носят настолько общий характер, что всех мусульман смешивают в одну массу, независимо от того, являются ли они светскими мусульманами или фундаменталистами. Иными словами, речь идет не только о критике набора религиозных представлений, но об установках, дегуманизирующих и обобщающих целую группу населения.

Таким образом вместо того, чтобы предполагать, что преступлений на почве ненависти против мусульман в Германии больше, чем во Франции, можно скорее задаться вопросом, насколько серьезно французские полицейские власти документируют преступления на почве ненависти в целом. Хафез также упомянул обложку отчета, объяснив, почему они выбрали для него одного человека, в то время как COVID-19 окажет длительное воздействие в 2021 году. Так как они убеждены, что в 2020 году наступила новая эра в институционализации государственной исламофобии. Согласно экспертам, некоторые страны Европы предприняли шаги по легализации исламофобии в 2020 году.

Так, например, во время общенациональных выборов в Нидерландах в 2017 году произошла гонка между правой популистской партией Герта Вилдерса (ПВВ) и правоцентристской партией Марка Рютте (ВВД). Именно тогда, основной кампанией перед выборами стоял вопрос о том, можно ли сократить число мусульман путем депортации [35]. В предвыборных кампаниях доминировали исламофобские заявления Марка Рютте и других правоцентристских партий. Многие правозащитные организации, такие как Amnesty International и Нидерландская коллегия адвокатов, предупреждали, что

предвыборные программы многих партий нарушают международные договоры о правах человека и законодательство Нидерландов.

В 2017 году исламофобские заявления и действия не ограничивались только политикой, но присутствовали и в других сферах, таких как СМИ, судебная система, образование и рынок труда.

В Австрии в июле 2020 года правительство создало “центр документации” [0] для внесения мусульман в черный список. Центр собирает информацию о мусульманских учреждениях, в том числе о более чем 600 мечетях и образовательных центрах, их идеологиях, администраторах и адресах, и предоставляет общественности цифровую карту под названием “Islam-Landkarte”, содержащую всю эту информацию. Мусульманская община была возмущена политикой правительства. Группа, возглавляемая профессором Эднаном Асланом из Венского университета, утверждала, что цифровая карта изображает мусульман как потенциальных преступников и напоминает шантаж.

В Болгарии мусульманского борца Мухаммеда Абдулкадира обвинили в участии в террористических актах после того, как он поделился своими фотографиями в военной форме в Сирии в 2016 году. Хотя парламент отклонил законопроект, крайне правая датская партия представила закон, предлагающий запретить ношение платков во всех государственных учреждениях.

Герт Вилдерс, нидерландский депутат парламента, также пытался внести законопроект о запрете ношения платков и ритуала жертвоприношения во время Курбан-Байрама [37]. Вилдерс, известный своей антимусульманской позицией, часто публикует посты против мусульман. В апреле он поделился постом с надписью «Остановите ислам, остановите Рамадан» или «Исламу не место в Нидерландах».

Идентичная ситуация также произошла и в Швеции, где правительство запретило создание мусульманских школ в стране после заявления министра образования Анны Экстрем в поддержку движения против религиозных школ [37].

Публичный референдум в ноябре 2009 года в Швейцарии [37], на котором был введен национальный запрет на строительство минаретов (молитвенных башен мечетей) как контрпродуктивный, что посылает мусульманам тревожный сигнал о том, что они не приняты в швейцарском обществе. Сторонники запрета на строительство минаретов (против которого выступило швейцарское правительство, но поддержала крайне правая Швейцарская народная партия) утверждают, что он не направлен на ограничение свободы вероисповедания мусульман, а указывает на то, что мусульмане в Швейцарии должны адаптироваться к швейцарской культуре и обычаям, а не чем наоборот.

Важно упомянуть, что в отчете за 2020 год, посвященном онлайн-тенденциям исламофобии, были обнаружены повсеместные примеры фальшивых новостей, которые включали темы о том, что мусульмане являются супер разносчиками Covid-19, что мечети являются переносчиками COVID или, что правила пандемии применяются более мягко к мусульманам из страха быть обвиненными в расизме. Такие фальшивые новостные сюжеты представляли собой пересечение и развитие нарративов против мусульман, которые являются общими темами среди исламофобов. Основные средства массовой информации также внесли свой вклад в идею связать образы мусульман с пандемией и, следовательно, узаконить негативные стереотипы о мусульманах и пандемии.

В новостях неоднократно связывают «мусульманин» с «терроризмом». Когда террористические акты совершаются мусульманами, они привлекают значительно больше внимания средств массовой информации. Одно исследование после учета таких переменных, как число погибших, показало, что атаки мусульман освещаются в СМИ в среднем на 449 % больше [11]. процент историй, посвященных мусульманам, был об Исламском государстве Ирака и Сирии (ИГИЛ или «Даш») или других военизированных группировках.

Другой распространенный нарратив состоит в том, что белые христианские экстремисты, совершающие теракты, не являются террористами. Есть исключения. Взрыв белого христианина в Оклахоме обычно считается

террористическим актом [38]. Хотя и здесь ответственность за нападение изначально возлагалась на исламские террористические группировки. Однако по большей части слово «террорист» не применялось к белому христианину, ответственному за нападение в Квебеке [39]. И он не единственный, кто избегает классификации в качестве террориста [31]. В этот список также входят белые христиане, часто сторонники превосходства белой расы, чьи идеологии побуждали их нападать на женские консультации [40], сотрудников полиции [41], еврейские общинные центры и сикхские храмы.

Таким образом, в Европе преобладает растущий исламофобский климат. Мы исследовали потенциальное влияние религии, политической идеологии и внимания средств массовой информации на отношение к мусульманам. Результат показывает, что негативное отношение к мусульманам и исламу наиболее сильно и последовательно ассоциируется с политическим консерватизмом по обе стороны Атлантики. Политически консерваторы в Соединенных Штатах, Франции, Германии и Испании в целом представляли мусульман в более негативном свете, чем либералы, что свидетельствует о том, что восприятие мусульман связано с политическими взглядами в большинстве проанализированных здесь стран. Также, восприятие мусульман и ислама, вероятно, не зависит от религиозных убеждений и вместо этого в гораздо большей степени определяется политическими взглядами. Освещение в средствах массовой информации проблем, связанных с мусульманами, может повлиять на отношение к мусульманам и исламу в целом. Например, респонденты считают, что ислам - это религия насилия и, что мусульмане не должны иметь тех же прав, что и другие религиозные группы.

Возможно, ключом к снижению ненависти к мусульманам может стать расширение межрелигиозных контактов. Наиболее негативно воспринимаемые религиозные группы, а именно мусульмане, сосредоточены в определенных географических районах, и это ограничивает контакты с представителями других религий. Исламофобия уменьшится только тогда, когда люди решат

бросить вызов изменениям о своих представлениях о природе мусульман и исламской религии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Присутствие мусульман в Европе - явление не новое. С самого начала трудовой миграции европейские государства проводили различную политику в отношении управления своими иммигрантами и их интеграции. Некоторые страны, такие как Германия, в первое десятилетие мало что сделали для содействия интеграции своих мигрантов. Оно рассматривало их как временных «гастарбайтеров». Соединенное Королевство и Нидерланды приняли концепцию мультикультурализма, с помощью которой правительства стремились сохранить особую культурную самобытность и обычаи. Франция, напротив, исповедовала политику ассимиляции, навязывая свою модель секуляризма. Социальные волнения почти совпали с террористическими актами в Мадриде и Лондоне, открыв глаза и поставив под сомнение старые модели интеграции. Старые интеграционные модели подверглись нападкам.

Европейские ультраправые партии берут на себя инициативу управлять общественным восприятием, демонстрируя ислам как религию насилия, а мусульман как «террористов». Европарламент можно интерпретировать как преднамеренный индикатор этой ситуации. Политические деятели многих европейских стран хоть и являются сторонниками мультикультурализма, но зачастую имеют мнение, что ислам – это финансовые издержки, риски для

безопасности и причина социальных проблем, и требуют более жесткой политики, чтобы остановить поток массовой иммиграции.

Проведенное исследование показывает, что хотя в исламофобии и присутствует ислам, это не связано с исламом как религией мира и толерантности, а связано с наиболее крайними течениями исламизма.

Таким образом, фокус политики государств в настоящее время смещается в сторону противодействия радикализации. Европейский союз задал тон, приняв широкую контртеррористическую стратегию, основанную на четырех типах действий: Предотвращение, Защита, преследование и Реагирование. В последние годы эта контртеррористическая стратегия стала основой политики всех европейских государств, которые приняли широкий спектр мер в ответ на терроризм и радикализацию. К ним относятся более строгие меры безопасности и наблюдения, активные усилия по предотвращению радикализации в тюрьмах, в мечетях или через Интернет, содействие обучению разнообразию в школах, восстановление светского характера государства, подготовка местных имамов и возвращение людей из зон боевых действий. Все эти меры движутся в правильном направлении. Но они могут оказаться недостаточными, если европейские государства будут упорно игнорировать необходимость изменить политику интеграции мигрантов.

Таким образом, различные этапы миграционных потоков, от временной трудовой миграции до постоянного поселения, и постепенное нарастание мусульманской проблемы в Европе и появление крайне правых антимусульманских партий сказались на истории и настоящем. Мусульмане, несомненно, существуют в Европе, и в ближайшие годы их число будет увеличиваться. Учитывая эту реальность, европейские государства должны сделать все возможное для дальнейшей своей интеграции, а мусульмане должны внести свой вклад, продемонстрировав свою привязанность и лояльность к своим новым родным странам, для того чтобы избежать такой фактор, как исламофобия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь / Д.Н. Ушаков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Стандарт, 2019. – 768 с. – ISBN: 9785906710666.
2. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь / Д.Н. Ушаков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Стандарт, 2019. – 768 с. – ISBN: 9785906710666.
3. Толковый словарь русского языка // Национальный корпус русского языка. – 2004. – <https://kartaslov.ru/значение-слова/исламофобия> (дата обращения: 27.04.2022).
4. Farooq, M. O. Islam and Democracy: Perceptions and Misperceptions / M.O. Farooq. – 2002. – URL: <https://web.archive.org/web/20090421082743>. (дата обращения: 22.05.2022).
5. Стецкевич, М. С. Религиозная толерантность и нетерпимость в истории европейской культуры // Санкт-Петербургский университет – Санкт-Петербург, 2013. – 430 с. – ISBN: 978-5-8465-0921-4.
6. Integrated Border Management Fund // European Commission, official website. – URL: <https://ec.europa.eu/> (дата обращения: 25.04.2022).

7. Map of Muslims in Europe / The Economist. – 2019. – URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2019/02/18/muslims-living-in-the-west-are-gradually-becoming-integrated> (дата обращения: 27.04.2022).
8. Jenkins, Cameron. WHO: Europe Again ‘the Epicenter’ of Coronavirus Pandemic with 10 Million Cases // New York Post. – 2020. – URL: <https://nypost.com> (дата обращения: 28.04.2022).
9. Кисовская, Н. Ислам в Западной Европе / Н. Кисовская // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 7. - С. 55–67.
10. Руа, О. Глобализированный ислам: в поисках новой уммы / О. Руа // Фонд Марджани. – 2018. – С. 337.
11. Europe spends over €17 billion to curb migration // ODI : A leading global affairs think tank. – URL: <https://odi.org> (дата обращения: 25.04.2022).
12. Rund 1000 Silvester-Straftaten in vier NRW-Großstädten // WELT - Aktuelle Nachrichten, News, Hintergründe & Videos. – URL: <https://www.welt.de> (дата обращения: 25.04.2022).
13. Глобальное исследование по незаконному обороту огнестрельного оружия 2020: сборник ключевых выводов и заключений // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. – 2020. – URL: <https://www.unodc.org> (дата обращения: 26.04.2022).
14. Roy, O. Who are the new jihadis? / O. Roy // The Guardian. – 2017. – URL: <https://www.the-guardian.com/news/2017/apr/13/who-are-the-new-jihadis>.
15. Roy, O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah / O. Roy. – New York: Columbia University Press, 2004.
16. Voll, J. O. Islam and democracy: Is Modernization a Barrier?, in Sh.T. Hunter, H. Malik (eds) Modernization, Democracy and Islam. – 2005. – P. 82–97. Westport: Praeger Publishers.
17. Belgian universities stress that they will not ban headscarves // The brussels times. – URL: <https://www.brusselstimes.com> (дата обращения: 28.04.2022).

18. Паин, Э. А. Исламизм: социально-политическая сущность и новые угрозы для России / Э. А. Паин // *Общественные науки и современность*. – 2016. – № 5. – С. 115-127.
19. Terror from the Right, S. POVERTY L // *CTR* (Nov. 1, 2015). – URL: <https://www.splcenter.org> (дата обращения: 10.05.2022).
20. Захарова, Е. А. Современный терроризм в зеркале французских политики / Е. А. Захарова // *Политическая наука*. – 2018. – № 4. – С. 241-257.
21. Esposito, J. Islam and Democracy / J. Esposito, J. Voll // *Humanities*. – 2001. – № 22(6). – URL: <http://www.artic.ua.es/biblioteca/u85/documentos/1808.pdf> (дата обращения: 20.05.2022).
22. Vermeulen, F. Suspect Communities — Targeting Violent Extremism at the Local Level: Policies of Engagement in Amsterdam, Berlin, Paris, and London / F. Vermeulen // *Terrorism and Political Violence*. – 2014. – № 26(2). – С. 286-306.
23. Die Angaben des Institute fur Entwicklungs forschung, Wirtschafts - und Sozialplanung. – Saarbruecken, Berlin, Brussel, 2000. – URL: www.iamik.ru. (дата обращения: 10.05.2022).
24. Juergensmeyer, M. Does Religion Cause Terrorism? Terrorism: Its Past, Present & Future Study, A Special Issue to Commemorate CSTPV at 25 / M. Juergensmeyer // *Contemporary Voices: St Andrews Journal of International Relations*. – 2020. – № 1(1). – С. 62-65.
25. Silber, M.D. Radicalization in the West: The Homegrown threat / M.D. Silber, A. Bhatt. – N. Y.: New York City Police Department, 2007.
26. Стародубровская, И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия / И. В. Стародубровская // *Журнал исследований социальной политики*. – 2019. – Т. 17. – № 1. – С. 39-56.
27. Ланда, Р. Г. Исламский фундаментализм / Р. Г. Ланда // *Вопросы истории*. – 2021. – № 1. – С. 32-41.
28. Erin M. Kearns et al. Why Do Some Terrorist Attacks Receive More Media Attention Than Others? // *Justice Quarterly*. – URL: <https://www.researchgate.net>. (дата обращения: 01.05.2022).

29. Игнатенко, А. Расколота умма в ожидании Судного дня (Новый взгляд со старых позиций) / А. Игнатенко // Отечественные записки. – 2003. – № 5. – URL: <https://strana-oz.ru/2003/5/raskolotaya-umma-v-ozhidanii-sudnogo-dnya> (дата обращения: 15.05.2022).
30. Thousands take to streets as Europe wrestles with identity // The Times & The Sunday Times. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/> (дата обращения: 29.04.2022).
31. Madison Park. Quebec mosque shooting: Vigils held across Canada after 'lone wolf' kills 6 / Madison Park, Deborah Feyerick, Chandrika Narayan and Julia Jones // CNN (Jan. 31, 2017). – URL: <https://edition.cnn.com> (дата обращения: 05.05.2022).
32. Атран, С. Разговаривая с врагом. Религиозный экстремизм, священные ценности и что значит быть человеком / С. Атран. – М.: Карьера Пресс, 2016. – 606 с.
33. Стародубровская И. Ценности мусульман / И. Стародубровская, Д. Ситкевич // Кавказский узел. – 2018. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/itogi_oprosa_vaynahov_musulman/ (дата обращения: 15.05.2022).
34. Alexander, A.S., Welzel, Ch. Islam and Patriarchy: How Robust Is Muslim Support for Patriarchal Values? / A. S. Alexander, Ch. Welzel // International Review of Sociology. – 2011. – №. 21(2). – С. 249-276.
35. Cameron, J. PM's speech at Munich Security Conference / J. Cameron // UK Government, 2011. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-se-curity-conference> (дата обращения: 20.05.2022).
36. Farooq, M. O. Islam and Democracy: Perceptions and Misperceptions / M.O. Farooq. – 2002. – URL: <https://web.archive.org/web/20090421082743>. (дата обращения: 22.05.2022).
37. Дженкинс, Джон Филип. Взрыв в Оклахома-Сити // Энциклопедия Британника. – 2022. – URL: <https://www.britannica.com>. (дата обращения: 05.05.2022).

38. Leonard Pitts. White-Extremist Terror Rare?: History Argues Otherwise // SEATTLE TIMES (Feb. 12, 2017). – URL: <http://www.seattletimes.com> (дата обращения: 10.05.2022).

39. Ben Mathis-Lilley. The Long List of Killings Committed by White Extremists Since the Oklahoma City Bombing // SLATE (Aug. 14, 2017). – URL: <https://slate.com> (дата обращения: 10.05.2022).

40. Shooters in Metro Ambush That Left Five Dead Spoke of White Supremacy and a Desire to Kill Police // LAS VEGAS REV-J (June 9, 2014). – URL: <https://www.reviewjournal.com> (дата обращения: 10.05.2022).

41. Юсупов, А. В Европе в 2020 году вырос уровень исламофобии // Агентство Анадолу. – 2020. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru> (дата обращения 25.04.2022).

42. Жолквер, Н. Правые популисты из Pegida против немецких СМИ: на чьей стороне полиция? // DW agency. – 2018. – URL: <https://www.dw.com/ru/правые-популисты-из-pegida-против-немецких-сми-на-чьей-стороне-полиция/a-45214064> (дата обращения 25.04.2022).

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

Т.Ю. Сидорова

подпись инициалы, фамилия

« 7 » 06 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Влияние миграционных процессов на социально-политическую обстановку в Европе.

Руководитель

подпись, дата

доцент, к.ю.н

должность, ученая степень

Э.А. Павельева

инициалы, фамилия

Выпускник

подпись, дата

А.Н. Тодоренко

инициалы, фамилия

Красноярск 2022